

АДАЛИН
ЧЕРНО

АННА
АБИНСКАЯ

ВЛЕЧЕНИЕ

МОЙ ОПАСНЫЙ БОСС

Адалин Черно
Анна Абинская

Влечение. Мой опасный босс

Серия «Влюблённые мажоры», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69444397

Аннотация

Я целый год упорно трудилась на того, кого ненавижу всем сердцем. На мерзкого, беспринципного, тираничного Артема Гадаева. Я могла стерпеть все, но не то, что он себе позволил. Не его настойчивых рук на моих бедрах, ни его горячих губ на моей шее. Я кинула заявление ему на стол, вот только у босса оказались совсем другие планы. В них входила я. Целиком. И желательно без одежды.

– Заявление на увольнение я не приму, – спокойно сообщает босс.

– Это еще почему?

– Тебе разве не нужны деньги? На операцию бабушке.

– Нужны, но вас это не касается.

– Еще как касается. Я могу их дать. Целиком, всей суммой. Прямо сейчас. Хочешь? Переведу на твою карту или на счет клиники.

– В счет моей будущей зарплаты?

Я чувствую подвох. Босс особой щедростью не обладает, а тут – даст такую крупную сумму?

– В счет тебя, Ева.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	41
Глава 9	47
Глава 10	52
Глава 11	57
Глава 12	62
Глава 13	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Адалин Черно, Анна Абинская Влечение. Мой опасный босс

Глава 1

«Кажется, у него член еще больше, чем я думала раньше», – приходит на телефон сообщение от Оли.

Признаться, эту информацию я бы предпочла тут же выбросить из головы, но она упорно врывается в сознание и остается там навеки. Уверена, что теперь при встрече с генеральным мой взгляд будет непроизвольно скатываться ниже его ремня. Куда ниже, чем я позволяла себе раньше заглядывать.

Понятия не имею, зачем эта отвратительная женщина – моя лучшая подруга – меня бесит, поэтому откладываю телефон и сосредотачиваюсь на отчете. Я должна была проконтролировать его сдачу, но обнаружила ошибку, над исправлением которой сижу весь день.

«Так ничего и не скажешь?» – нет, она не женщина, она коза.

Хотя нет, не коза! Какая коза? Моя подруга – настоящая трольчиха, которая намеренно отвлекает меня от работы.

«Надеюсь, он у него отсохнет!» – зло пишу в ответ и, прежде чем успеваю подумать, жму на стрелочку отправить.

Оля в ответ присылает закатывающий глаза смайлик. О моей ненависти к Гадаеву ей, конечно, известно, но она каждый раз либо закатывает глаза, либо цокает языком. Третий вариант, в котором она убеждает меня, что я «просто не присмотрелась» меня устраивает меньше всего.

Конечно, я присмотрелась! За все-то годы, что мы знакомы.

Тем более должность личного помощника и ассистента предполагает едва ли не ежеминутное присутствие рядом с боссом. Да я даже если чего-то раньше не знала, то теперь знаю о Гадаеве абсолютно все. Размер одежды, обуви, что он предпочитает есть на завтрак, какие девушки в его вкусе и, главное, какую марку презервов он использует. Ну и размер знаю, XXL. Да, такая информация, к сожалению, тоже хранится в моей голове. Причем, достаточно было лишь единожды исполнить это распоряжение, чтобы она осталась там навсегда. Но почему-то я только сейчас ее складываю со словами подруги? А, вспомнила почему! Когда провизор на меня в тот раз завистливо и уважительно посмотрела, я про себя решила думать, что босс их на вырост покупает. Не хотела представлять, как щедро он одарен.

Так что я присматривалась. Гадаев не нравится мне в лю-

бом ракурсе. В шикарном иссиня черном костюме и в халате, надетом на голое тело, с идеальной утренней укладкой и с мокрыми после душа волосами, злой и добрый, хотя добрым за год работы бок о бок я его еще не видела. Любим. Я его ненавижу так сильно, что иногда мне кажется, это чувство меня уничтожит.

«Он еще у себя?» – пишу Оле.

У меня свой кабинет, а она – его секретарша. Сидит в приемной, отвечает звонки и решает, пускать ли посетителей. Я бы с радостью прочитала что-то похожее на «Он уже ушел», но Оля отвечает совсем не это.

«У себя. Сидит в одиночестве со своим большим членом...»

Нет, это невозможно!

После работы я обязательно уточню у нее, с чего она взяла, что у него большой, но пока мне не остается ничего, кроме как подняться и последовать в кабинет к генеральному. Документ нужно подписать и завтра с самого утра отправить. Планирую сделать это по дороге на работу. Надеюсь, Гадаева не сильно разозлит мое опоздание.

В приемной натыкаюсь на Олю с переброшенной через плечо сумкой.

– Ты все? – уточняю. – Подождешь меня пару минут? Пойдем домой вместе.

– За мной Славик приехал, так что прости. Полчаса уже ждет меня у входа. Завтра обязательно с тобой пойдем, – обе-

щает и, чмокнув меня в щеку, убегает.

В пустой приемной я остаюсь одна. Долго растягивать экзекуцию не имеет смысла, поэтому быстро подхожу к двери, несколько раз стучу костяшками по деревянному полотну и, опустив ручку вниз, юркаю внутрь. На несколько мгновений замираю, потому что из ярко освещенной приемной резко попадаю едва ли не в крошечную темноту. Собираюсь выйти, решив, что Оля меня разыграла и Гадаев давно ушел, но торможу, услышав:

– Проходите!

Да так инфаркт схватить можно! В это мгновение ненавижу его еще сильнее.

– Я принесла документы на подпись, – копирую его обычный ледяной тон. – Придется включить свет.

– Проходите, Ева. У меня на столе есть светильник. Думаю, его будет достаточно для подписи.

Решительно шагаю в направлении стола. Его очертания угадываются в тусклых лучах света, просачивающихся сквозь не до конца закрытые жалюзи. Шлепаю документы на поверхность и жду. Силуэт Гадаева в кресле почему-то не могу рассмотреть, а когда его голос звучит сзади меня, едва не падаю в обморок.

Я уже говорила, что ненавижу его?!

– Вы же знаете, что просрочили отчет? Его ждали сегодня к вечеру.

– Они получают его завтра. Я нашла ошибку и пришлось ее

исправлять.

– Меня не волнует первопричина, Ева. Меня не устраивает итоговый результат.

Сжимаю зубы и делаю глубокий вдох. Удивляюсь, как за год работы здесь мне не понадобились услуги стоматолога и психолога. А еще сексопатолога, потому что я почему-то начинаю задыхаться, а теплая волна бьет в низ живота, наливая его приятной тяжестью. Это что, возбуждение? Нужно поскорее отсюда выбираться, пока в этой крошечной темноте я не посчитала Гадаева единственным достойным кандидатом на мое тело.

– Ничего не скажете в свое оправдание?

Я лишь упрямо поджимаю губы, забывая о том, что он меня не видит. Извиняться и оправдываться не планирую. Отчет делал другой человек, а я всего лишь довела его до совершенства.

– Они получают отчет завтра.

– Это не тянет на оправдание.

Тон Гадаева меняется. Я пока не могу уловить, что именно слышу в его голосе, но точно знаю, что он звучит не так, как обычно. По-другому. Так, словно лед, навечно застрявший в его глотке, внезапно начал таять.

– Знаете...

Я поворачиваюсь, намереваясь высказать Гадаеву все, что о нем думаю, вот только он не дает и шанса. Стремительно сокращает между нами расстояние и нависает сверху, вы-

нуждая упереться задницей в стол.

Глава 2

Гадаев по-хозяйски обнимает мое бедро и разворачивает к себе спиной. Я окончательно перестаю понимать, что происходит! Единственное, в чем я теперь уверена – Оля не врал. Что-то определенно огромное вдавливается между моими ягодицами, и я точно знаю, что это не футляр от очков шефа, потому что он их не носит, так как предпочитает линзы. Он ненавидит очки так же, как и меня... Непонятно только почему его горячие губы впиваются в оголенную часть моей спины без всякой пощады. Жадно, со стоном и рыком. Как будто он давно мечтал это сделать, но что-то его останавливало.

А я реагирую на это нападение совершенно неподобающим образом: я не стискиваю зубы, я не бью его пяткой между ног. Ничего такого. Я вообще не сопротивляюсь. Я откидываю голову ему на плечо, чтобы он смог добраться и до других участков моего тела и тоже издаю хриплый стон.

Мой стон звучит как команда, и Гадаева больше ничего не может сдержать. Его руки действуют умело и неумолимо. Моя юбка взлетает на талию, пуговицы на рубашке трещат, а трусики съезжают до колен – и все за считанные секунды. Это какое-то сумасшествие, но меня бьет таким разрядом возбуждения, что ноги подкашиваются и сопротивляться нет сил.

Мы похожи на двух изголодавшихся любовников, которые набросились друг на друга при первой встрече. Только вот мы не любовники, Гадаев вообще мне не нравится, я его... я его...

Мысли путаются, стоит ему скользнуть рукой между ног. Я охаю и, к своему стыду, раздвигаю ноги, чтобы ему было удобнее. Во рту пересыхает мгновенно. Раз – и сглатывать больше нечего. Я только дышать могу. Громко, прерывисто и как-то сипло. Возбужденно. Волна дрожи прокатывается по всему телу, когда Гадаев скользит пальцами между влажных складочек.

Пока он мастерски ласкает меня между ног я с ужасом думаю о том, что никогда прежде ничего подобного не чувствовала. Нет, конечно, я себя трогала и даже доводила до оргазма, но это... Меня трясет с каждым движением его пальцев. Между ног становится горячо и тяжело, а внизу живота ощущаются легкие спазмы.

Помешательство. Именно так я могу описать происходящее. Мы совершенно, абсолютно не подходим друг другу, но он продолжает ласкать меня пальцами, а я – бесстыже стонать и закусывать губы.

Хочется забыть о принципах. О том, какой у Гадаева несносный характер. О том, что и каким тоном он со мной говорил весь этот год совместной работы. Как отдавал приказы и какие, порой унижительные, задания придумывал.

И я забываю. Когда он упрямо и настойчиво впивается гу-

бами в мое плечо, когда выводит круги по набухшему кли-
тору и размазывает влагу по бесстыже мокрой промежности.
Все эти здоровые мысли улетучиваются. Я концентрируюсь
только на ласках. На умелых руках, которые точно знают, где
прикастаться, на горячих губах, впившихся в мою нежную ко-
жу, на хриплом возбужденном дыхании.

А ведь сегодняшний день должен был закончиться иначе.
Не так остро и запредельно приятно. Не так запретно. Он
был бы похож на сотни других обычных дней. Расслабиться
я себе, конечно, позволяла. На выходных мы с подругами со-
бирались в ресторане. Пили по несколько бокалов мартини и
сплетничали. На большее у меня просто не оставалось вре-
мени. С бабушкой, Никитой и тем плотным графиком, ко-
торый составлял Гадаев у меня и на мартини не оставалось.
Так, чтобы забыться в компании подруг и после нескольких
часов поехать отдыхать с ними дальше.

Гадаев бы не позволил. Он, словно чувствовал, когда мне
хотелось оторваться. Звонил и просил приехать, выполнить
очередное поручение, привезти ему бутылку игристого, по-
тому что у него намечается интересный вечер. Мои вечера
всегда заканчивались одинаково. Или в одиночестве с обя-
зательно включенным звуком на телефоне или с Никитой,
который настоятельно требовал не отвлекаться на смски от
Гадаева хотя бы во время секса.

Боже! Никита...

Воспоминания о нем меня отрезвляют. Уверена, если бы

меня когда-то били по голове, удар был бы похож на то, что я испытываю прямо сейчас. Виски простреливает резкой болью, и я прихожу в себя. Понимаю, куда мы движемся и к чему в итоге это приведет. Моя гордость будет уязвлена, а он... ему ничего не будет. Очередная галочка в огромном списке трофеев. Возбуждение, конечно, никуда не уходит. Оно ядовитыми щупальцами пульсирует между ног, только вот пальцев Гадаева там больше нет, потому что я резко отстраняюсь.

Так быстро, что мой босс и понять ничего не успевает. Растерянно смотрит на то, с какой скоростью я натягиваю трусики, опускаю юбку и как застегиваю блузку.

– Что-то не так? – уточняет предельно серьезно, при этом его возбуждение выдает слегка хриплый голос.

– Не так, – киваю. – Ваши пальцы, Артем Борисович, зашли слишком далеко.

Пока он подбирает слова, я вылетаю из кабинета и, не останавливаясь, бегу к лифту. Только внизу вспоминаю, что оставила свой телефон в кабинете, но о том, чтобы вернуться, не может быть и речи. Я спускаюсь в еще работающее офисное кафе и остаюсь там до тех пор, пока не вижу в окно спину Гадаева. Он покидает здание, а это значит, что я могу вернуться за вещами и подумать о том, что черт возьми, только что произошло.

Глава 3

Пока еду в лифте, размышляю, что выхода у меня всего два: согласиться выйти за Никиту замуж и уволиться без скандала с родителями, или расстаться с Никитой, уволиться, разругаться с семьей и уехать в джунгли Амазонки, где меня никто не найдет. Мысль о расставании и бегстве нравится мне больше.

Интересно, почему?

Потому что никогда я не чувствовала с Ником того, что испытала в руках Гадаева? А может потому, что теперь до конца осознала, что не люблю своего парня и никогда не любила? Он – выбор моей семьи. Впрочем, как и мое место работы – выбор семьи.

Никита – сын маминой компаньонки, а Гадаев – сын одноклассника отца. А есть ли в моей жизни вообще что-то, являющееся моим выбором? Уверена, что нет. Я и в универе училась по выбору деда – он там ректором долгие годы работал. И даже сейчас не могу поступить так, как хочу. Уехать я не имею никакой возможности, потому что живу с бабушкой. У нее слабое сердце и она не переживет, если останется одна.

Но выйти замуж за Никиту? Как представляю себе, что мы каждый день вместе засыпаем и просыпаемся – аж плохо становится. Дело в том, что до недавнего времени – бук-

важно еще час назад – я искренне считала, что родилась с изъязном и испытывать удовольствие от секса с мужчиной не способна. Впрочем, не возбуждали меня и женщины.

Я вообще испытывала оргазм – надеюсь, что это был он, сравнить мне не с чем – только когда сама себя до него доводила. Это был мой постыдный секрет, о котором даже Оля не знала. А теперь выходит, что я нормальная, просто мужчина был не тот? А Гадаев, получается тот? Какой ужас! Я ведь его терпеть не могу, как и он меня. Дебри Амазонки выглядят еще заманчивее.

Вхожу в темную приемную и, не зажигая свет, пробираюсь в кабинет босса. Крадусь к столу, как будто кто-то может меня увидеть. Сердце колотится и перед глазами мелькают картинки. Вот я со спущенными трусиками и задранной юбкой прижимаюсь к столешнице животом. Вот босс трогает меня там, где его рук даже в страшном сне не должно было быть. Вот я закусываю губу и изгибаюсь под его пальцами, как кошка. Вот он хрипло стонет, запрокинув голову, а потом кусает меня за шею, словно зверь. Я опять чувствую жар и тяжесть внизу живота, а мокрые трусики хочется снять и выбросить, они мне мешают почувствовать мужские прикосновения острее.

Вот только нет никаких прикосновений и на столе никого нет. Там и телефона моего нет. Там есть только темный монитор и белый лист бумаги.

Это записка. Предназначена явно мне, хоть имени нет.

«Если хочешь вернуть свою вещь, приходи, закончи начатое и заberi».

Я вспыхиваю и задыхаюсь от возмущения. Он прикарманил мой телефон! Как же боссу подходит его фамилия! Гадаев настоящий гад. Он прямым текстом, не стесняясь и не раскаиваясь пишет, что я должна сделать ему минет? А как еще понимать «закончи начатое»?

А ведь у него тоже девушка есть! Они с Миланьей Вронской уже давно встречаются. Хотя о чем я? Отношения у парочки свободные. Я ведь сама знаю, что босс изменяет своей девушке направо и налево. Удивляет такое отношение именно ко мне.

Гадаев и я – несовместимы. Он меня терпеть не может, как и я его, долгое время. Ведь знаем мы друг друга с детства и никогда не ладили. Когда были помладше – дрались, когда подросли – устраивали друг другу подставы перед родителями. Когда совсем выросли – научились обходиться игнором. А потом вдруг у нашей семьи начались проблемы. Отец потерял бизнес, мамин магазин еле-еле выживает. Бабуля заболела и все свободные деньги ушли на лечение. Я переехала к ней и мне срочно понадобилась работа. Я искала, ходила по собеседованиям, но без опыта брать меня не спешили. Ну или зарплату предлагали такую смешную, что я бы ею даже бензин, потраченный на дорогу не покрыла. В общем, отец обратился к своему другу Борису и меня вынудили работать на Гадаева-младшего. Он был вообще не рад такому поворо-

ту. Ни разу! И весь год мне это всячески демонстрировал.

«Евангелина Евгеньевна, впредь не пишите примечания ручкой! Почерк у вас так себе». «Вересова, топаете, как слон!». «Евангелина Евгеньевна у меня сегодня будут важные люди, наденьте пиджак. Боюсь, ваше глубокое декольте отвлекает клиентов от работы. Это я равнодушен, а они ваш размерчик оценят». Ну и все в этом духе. А теперь что выходит? Приди и закончи начатое? Как бы не так!

Я сминаю бумагу и со злостью кидаю в корзину. Беру из ящика стола чистый лист, сажусь в кресло Гада и пишу заявление на увольнение. Намеренно пишу от руки, зная, как его почерк меня раздражает. И буквы вывожу красивейшим образом, закручиваю, все как он любит. Хочу, чтобы у него кровь из глаз пошла, когда он это читать будет. И телефоном моим пусть подавится. Кажется, и правда пора бронировать билет на необитаемый остров. Надеюсь, там мать-природа меня прокормит, потому что сбережений как таковых у меня нет. На билет разве что хватит.

Глава 4

Артем

Когда баба считает себя умнее, мне хочется доказывать обратное. Желательно так, чтобы с ее губ срывались хриплые стоны, а из головы выветривалась вся неподходящая дурь. Гордость, например, принципиальность, неприступность. Эта характеристика Вересовой не шла, но она упорно старалась соответствовать. С мокрыми трусами и стоячими сосками, зато сколько упрямства!

Быть девочкой недотрогой ей не идет. И строить из себя неприступную крепость, когда там уже напрочь сломаны ворота – тоже. Какой смысл оставлять меня с гудящими от перевозбуждения яйцами и крепким стояком? Она надеялась, что я оставлю ее в покое? Не вышло. Сажу вот в машине за углом офиса и кручу в руках ее телефон. Не забрать его с собой, когда она оставила его на столе, оказалось невозможным.

На сочинение ей провокационной записи ушли минуты. Я тогда слабо понимал, что делаю. В голову ударило только одно – похоть. Дикая, неконтролируемая похоть. Я представлял, как она вернется в кабинет, войдет в полутемное помещение и погрузится в воспоминания, прочитает мое послание, разозлится и... возбудится еще сильнее. Я был уверен, что злость ее заводит. За эмоциями Вересова теряет

контроль и превращается в мягкую тягучую глину, из которой можно делать все, что заблагорассудится. А мне многое представляется. И довольно давно. Куда дольше чем этот год, который она на меня работает.

Ева всегда вызывала во мне бурю эмоций. С самого детства (наши отцы дружат и нам частенько приходилось терпеть друг друга) она не оставляла меня равнодушным. Я не мог пройти мимо так, чтобы оставить ее в покое. Мне обязательно нужно было к ней дотронуться. Пихнуть, схватить за аккуратно заплетенные косы или просто задеть словами.

К слову, она тоже всегда с удовольствием запускала мне в лоб яблоком или подкладывала кнопки на стул. Те времена были так давно, что от них остались только мелькающие воспоминания.

Куда ярче в моей голове другие картинки. Например, Вересова в купальнике в нашем огромном доме. Еще тогда я все прекрасно рассмотрел, а уж теперь, когда она на меня работает... хочется содрать с нее все те тряпки и оценить ее по достоинству.

Конечно, я ее хочу. С тех самых пор, как у меня начал вставать член, я думал о ней. Дрочил, закрывшись в ванной, на ее образ. Идеальная фигура, совершенная внешность, длинные волосы, которые с легкостью можно намотать на кулак во время секса. Мне большего было не нужно. Характер, конечно, тот еще, но с этим можно поработать. Выдрессировать Вересову можно будет потом. Ох, как я буду ее дресси-

ровать... предвкушаю. Отомщу ей за тот раз, когда она унизила меня.

Я его как сейчас помню. Их семья приехала к нам с ночевкой, и я тогда, пробравшись к Вересовой в спальню, залез к ней в кровать и предложил встречаться. Наивно думал, что она согласится. Видел ведь, что и она ко мне равнодушна.

Что она тогда устроила! Такой скандал закатила, что я еле-еле смог всем доказать, что хотел просто измазать ее пастой. А когда типа понял, что она не спит, ляпнул глупость про встречаться. Зная, как мы с детства к друг другу относимся, мне поверили. И Ева поверила тоже. Вот только ее слова я помню до сих пор: «Встречаться? Гадаев, ты себя видел?! Да я в кошмарах тебя каждую ночь вижу!». Тогда я ее реплику не оценил по достоинству, а теперь мне действительно хочется ей снится. Каждую ночь. Не в кошмарах, конечно. В эротических снах. И судя по тому, как она на меня реагировала, именно так все и будет.

Мое навязчивое желание завладеть ею за эти годы никуда не делось.

А вот Ева вообще не осознает какая между нами химия и сколько скопилось сексуальной энергии. Она просто ненавидит меня всей душой за то волнение, которое она испытывает каждый раз в моем присутствии. Встречается со слизняком Никитой, с полной моей противоположностью, и строит передо мной недотрогу. Ненавижу ее за это. Так сильно, как никогда. За то, что отдается ему, но даже мысли не допуска-

ет о сексе со мной!

Она – мой незакрытый гештальт. Уверен, именно из-за того, что Вересова мне не дает, я в свои тридцать не думаю ни о жене, ни о детях, а отец, между прочим, настаивает. Да и мать не против понянчить внуков. Только вот какие внуки, когда у меня стоит на Вересову круглосуточно? Стоит увидеть ее задницу в узкой юбке, как в штанах все приходит в боевую готовность.

Смотрю на часы. Пора. Подъезжаю обратно к офису и спешу в лифт. Поднимаюсь на свой этаж, заводясь все сильнее и сильнее. Не могу не представлять себе, как бесшумно войду в приемную, спрячусь, а потом внезапно поймаю Еву. Я давно предполагал, что ей нравятся игры пожестче. Уверен, легкое принуждение сорвет с нее трусы быстрее, чем она успеет осознать, что происходит.

Как же она завелась и потекла, когда я нагнул ее над своим столом! Как она дышала и как не могла сдержать хриплых стонов! Воспоминания делают стояк каменным. Поправляю член через брюки и досажую, что не довел дело до конца с первого раза. Что-то Еву спугнуло и заставило включить мозг. Может я слишком медлил? А может зря молчал и надо было шептать ей на ухо грязные словечки? Сейчас я буду палить из всех орудий и больше ее не упущу.

Двери лифта открываются, и я скольжу в приемную. Она открыта, но свет не горит. Мой кабинет тоже открыт и в нем темно, но из окна падает свет и в нем я вижу, как Ева сидит

в моем кресле и что-то пишет.

А вот тогда меня простреливает догадкой. А вдруг это заявление на увольнение? Я сливаюсь со стеной и больше не спешу действовать. Кровь отливает от члена и вновь постукает в мозг. Нет, я не могу допустить увольнения Вересовой. И на это есть множество причин. Первая – она прекрасный специалист, хоть ей я об этом не говорю. И если она от меня внезапно уйдет, полетит несколько важных сделок. Потом придется долго и нудно искать замену, тратить время на собеседования... Нет, это неприемлемо.

Вторая причина – родители Евы. Как бы мы с ней не относились друг к другу, а ее отца и мать я уважаю. Ну и не представляю, как буду им объяснять столь внезапное увольнение дочери.

Третья причина – я вот совсем не уверен, что узел, завязанный между нами, получится разрубить с первого траха и поэтому не готов вот прямо так сразу Еву от себя отпустить.

Четвертая причина – я банально к ней привык. К ее постоянным раздражающим подколам, к голосу, который порой невыносимо слышать, к аромату ее духов, что заполняют кабинет, стоит ей войти. Она стала частью моего офиса за последний год, и я не готов это изменить.

Пока думаю, Ева успевает закончить писать. Встает с кресла и направляется к двери. Я в этот момент чувствую растерянность. У меня несколько секунд, чтобы решить, что делать – действовать по первоначальному плану и получить

временный карт-бланш или повременить и выбить полный доступ к телу на долгое время? Уверен, стоит Вересовой попробовать, как она сама не сможет отказаться и с готовностью будет отзываться на мои ласки.

Глава 5

Возвращение домой дается с трудом. Сил на то, чтобы идти к остановке и ждать транспорт не остается, но разве Гадаев дал мне выбор? Телефона у меня нет, значит, и такси вызвать я не могу. Плетусь к остановке, жду маршрутку, полчаса добираюсь домой, чтобы наткнуться на открытую дверь.

Первая мысль – нас ограбили. Вторая – с бабушкой что-то случилось.

К сожалению, как только замечаю соседку, расхаживающую в квартире, как у себя дома, сразу понимаю – второе.

– Явилась! – выдает, как только меня видит. – Бабушку твою только что увезли!

– Куда?

– В больницу. Ей плохо стало, она едва мне дозвонилась и это еще хорошо, что я была дома! А если бы ушла? Я как раз собиралась. Тебе вот звонила-звонила, а ты даже трубку взять не соизволила.

– В какую больницу ее увезли? – переспрашиваю, пропуская мимо ушей нравоучения соседки.

– А я почему знаю? Я позвонила в скорую – они приехали.

– Ясно, – киваю и прохожу в квартиру. – Вы куда-то собирались? – поворачиваюсь к соседке. – Можете быть свободны.

Она фыркает, говорит что-то еще про «неблагодарная»

и уходит. Я закрываю за ней дверь и беру с кровати бабушкин телефон. Звоню в скорую, чтобы узнать, куда увезли бабушку. Получив информацию, сталкиваюсь с проблемой вызова такси. У бабушки – обычный кнопочный телефон и, конечно, нет никаких приложений по заказу такси. Приходится искать на ноутбуке номер и звонить. Машина через эту службу, ожидаемо долго едет. Я успеваю замерзнуть на улице, прежде чем передо мной останавливается старенькая потрепанная девятка. И водитель не сказать, что вежливый.

Забравшись в салон и хлопнув дверью так, словно это не машина, а корыто – иначе просто закрыть ее не получалось – проклиная Гадаева. По пути убеждаюсь в том, что правильно поступила, написав заявление. Не представляю, как после такого работать с ним дальше. У-у-у! Если бы только у меня был был телефон! Я бы смогла ответить на звонок бабушки или соседки, но эту возможность у меня забрал черствый сноб! Чтоб ему пусто было!

– Здесь? – слышу бас водителя.

– Наверное...

Когда расплачиваюсь и выхожу, понимаю, что нет – не здесь. Приемный покой гораздо дальше, и мне придется идти до него пешком, что я и делаю. Добравшись, тут же подхожу к дежурному регистратору и спрашиваю, как попасть к бабушке. Оказывается – никак. Даже такой близкой родственнице, как я. Прямо сейчас она находится в реанимации и к ней никого не пускают.

Примерно через пять минут моего пребывания в больнице приезжают и родители. Мы вместе дожидаемся врача, который сейчас проводит экстренную операцию другому пациенту. Меня немного потряхивает, а еще возникает жгучее желание все высказать Гадаеву. Прямо сейчас. Позвонить ему, благо я помню его номер, и сказать, какая он сволочь!

Когда врач, наконец, выходит к нам, время на часах переваливает за десять. Он явно измучен проведенной операцией и не готов разговаривать с родственниками другого пациента, но все же останавливается. От него узнаем, что бабушке показано шунтирование и проводить его, конечно же, лучше за границей. Врач советует Израиль, если есть такая возможность.

Нам остается только покивать головой. Разумеется, у родителей нет таких денег. Папа пытается восстановить свой бизнес и начать все с нуля, так что весь заработок он вкладывает сейчас в дело.

– Ничего страшного, – причитает мама. – Найдем здесь неплохих врачей. Ева неплохо зарабатывает, да, малыш? У тебя же есть сбережения?

– Я как раз хотела поговорить о работе, – начинаю. – Я сегодня написала заявление на увольнение.

Две пары глаз смотрят на меня так, словно я сморозила удивительную глупость. С одной стороны – я их понимаю. После того, как я отучилась на финансиста, достойную работу найти было трудно. Без стажа мне предлагали непло-

хие должности, но зарплата там была мизерной, а работы довольно много.

На начинающих специалистах максимально сэкономили, поэтому папа устроил меня не по специальности к Артему – личной помощницей с дурацким графиком, но зато сколько мне платили! Такую работу нельзя было упускать, я это прекрасно понимаю, ведь найти сейчас что-то похожее у меня не получится. Должность личного помощника в других компаниях тоже предполагает стаж. Желательно, от трех лет. Я же работаю всего год. Да, в престижной развивающейся компании и при условии, что Гадаев даст мне хорошую рекомендацию, я могла бы что-то найти, только вот после его записки сомневаюсь, что я получу честную характеристику просто так.

Наверняка он снова все опопшлит и предложит что-то такое, от чего я, как уважающая себя женщина, вынуждена буду отказаться. А без его рекомендаций, конечно, я ничего хорошего и достойного не найду. Реакция родителей предельно понятна, но я надеялась, что они хоть чуточку выразят понимание.

– В смысле заявление на увольнение? – переспрашивает мама так, будто у этого сообщения есть дополнительный подтекст.

– Ты не справляешься с работой? – а это уже папа.

– Я не могу работать с Артемом, – даю простое объяснение.

Больше всего удивляется, конечно, папа. В его лексиконе нет такого понятия «не могу». Он, сколько я себя помню, всегда старался для нас с мамой. Я родилась, когда у нас уже все было, но мама не раз рассказывала, как папа работал на трех работах, чтобы собрать денег на «свое дело». Мама всегда ставила отца в пример, говорила, что я должна стараться так же. И я старалась. Мне даже удалось кое-что отложить с тех денег, что платил мне Гадаев, но зачатки давно нет. Она ушла на лечение бабушки в прошлый раз, так что ни о каком «своем деле» не может идти и речи.

– Он тебя обижает? – спрашивает отец. – Если да – я с ним поговорю. Все же, не чужие люди. Да, у нас сейчас все не так гладко с финансами, как прежде, но отношения не испортились, так что...

– Не нужно, пап. Он меня не обижает.

– А что тогда? – это уже мама. – Ты хоть представляешь себе, как сложно найти работу? Еще и с такой зарплатой!

Она, как обычно, не церемонится и давит на самую большую мозоль. Хуже, что ответа у меня нет.

– Я все решила, – сообщаю. – Пап, не нужно ни с кем говорить, мам, я что-нибудь придумаю. Не расстраивайтесь.

Глава 6

Чтобы хоть как-то отвлечь их от разговора об увольнении, говорю, что забыла телефон на работе и прошу у мамы номер Никиты. Я его на память не помню. Уверена, почему-то, что он у нее есть и оказываюсь права. Мы не так часто созваниваемся, да и в этом никогда не было необходимости. Никите я звонила редко и еще реже о чем-то его просила, предпочитая решать проблемы самой. Сегодня я на это не способна. После сообщения о необходимой операции мне нужен кто-то, кому я смогу склонить голову на плечо и поплакать. А еще – попробовать поговорить с Никитой. Возможно, он одолжит денег на операцию.

– Да, – его голос звучит бодро и радостно, так что я отбрасываю мысль о том, что могла его отвлечь от важного дела.

Да, отношения у нас немного странные. Мы словно чужие друг другу.

– Привет, – говорю в трубку. – Ты сможешь меня забрать? Я в больнице, бабушке стало плохо и...

– В какой ты больнице? Я приеду так быстро, как только смогу.

Называю ему адрес, а затем передаю маме телефон и снова попадаю под шквал нравоучений. Папа преимущественно молчит, но маму не перебивает, значит, поддерживает все ею сказанное. А говорит она много. О том, что у Артема, меж-

ду прочим, можно было бы попросить денег «в счет зарплаты». О том, что увольнение – не выход, тем более сейчас, когда наше положение так шатко. Сбежать не выходит, поэтому вынужденно все это слушаю и лишь киваю головой. Идея сбежать на необитаемый остров кажется мне спасением, но на билет мне не хватит денег, поэтому слушаю дальше.

Заканчивается все тем, что Гадаев – прекрасный и понимающий человек. Он едва ли не эталон мужчины. Уверена, если бы Никита не был сыном ее подруги, мама бы не задумываясь сбросила его со счетов и велела присмотреться к Гадаеву. Такой мужчина пропадает. Решительный, дерзкий, горячий...

Та-а-а-к! Мои мысли ушли явно не в ту сторону.

Переключиться позволяет подъехавший автомобиль Никиты. Я, изрядно к этому времени пропитанная нравовыми и «идеальным» Гадаевым, рада Ника видеть, как никогда прежде. На радостях я даже первая его обнимаю и целую в щеку. Для будущего разговора это даже хорошо.

– Привет, – шепчет мне на ухо. – Как ты?

– Держусь, но за бабушку очень переживаю.

Никита деловито кивает, здоровается с моей мамой, протягивает для приветствия руку отцу. Делает все, что должен делать идеальный зять. Не зря родители его так любят. Непонятно только, почему я к нему так холодна. Впрочем... теперь-то мне это как раз понятно. Если бы Никита за те месяцы, что мы вместе, сумел разжечь во мне то, что удалось

Гадаеву за несколько минут, я бы прямо завтра дату свадьбы назначила, а пока...

До сегодняшнего дня я думала о том, как сильно расстроятся родители, когда мы с Никитой расстанемся. Сейчас, конечно, не время. Они только узнали о моем увольнении. Новости о Никите они не переживут.

– Мы поедem, мам... – говорю сразу, чтобы пресечь дальнейшие попытки меня донимать, но мама и не планирует. Все-таки, Никита делает ее добрее.

– Все так серьезно? – спрашивает Никита уже по пути домой. – С бабушкой.

– Говорят, нужна операция и лучше всего сделать ее в Израиле. Там лучшие клиники и врачи. А у нас, – развожу руками, – сам понимаешь.

– Да, – кивает. – У меня есть знакомый кардиолог, я могу поспрашивать, к кому обратиться, но думаю, что хорошие врачи на полгода вперед заняты пациентами.

– Никит... а ты сможешь помочь с деньгами? – спрашиваю и прикусываю внутреннюю сторону щеки.

Просить я не привыкла. Да что там, я даже не знаю, как это правильно делается!

– Не уверен, но постараюсь, – Никита спускает меня с небес на землю. – У меня все деньги сейчас крутятся, свободных очень мало.

– Я отдам, Никит, если получится. За полгода где-то.

О том, что у меня намечается безработица, умалчиваю.

Все еще надеюсь найти достойную работу и хорошей зарплатой. Не может же на Гадаеве рынок вакансий сойтись клином.

– Что-нибудь придумаем, малыш, – обещает Никита.

Когда подъезжаем, он напрашивается на чашку кофе. На секс я не настроена, но соглашаюсь. Подумала, что после просьбы о деньгах неплохо побыть немного ласковой. Настолько, насколько это у меня получится.

Поднимаемся по лестнице вместе, держась за руки, а когда оказываемся на моей лестничной площадке, я так и застываю, шокированная увиденным. Под моей дверью стоит Гадаев собственной персоной. После офиса он успел переодеться в джинсы и свитер. Ну и прихватить мой телефон с собой, разумеется! Я замечаю знакомый чехол в его руках.

Глава 7

Артем

Бабы меня не игнорировали. Часто сами названивали и умоляли о встрече. И каждый раз приезжали, если она была назначена. Почти всегда – заранее, чтобы не заставлять меня ждать.

Вересову я прождал до десяти. Этого времени с лихвой хватило бы на то, чтобы добраться до моего дома. Да что там! За эти несколько часов она могла вернуться домой, принять душ, переодеться и приехать. Вплоть до десяти я убеждал себя именно в этом – Вересова поехала домой, чтобы приехать ко мне свежей.

Осознавать другое было болезненно. Сначала больно стало моей самооценке, которая от такого поворота трещала по швам, а потом всему, что было в трусах. Последние, к слову, тоже трещали по швам от перевозбуждения. Вересова мастерски уронила не только мою самооценку, но и член, который хоть и болезненно поднывал, но за неимением достойной альтернативы, упал отдыхать.

И если ему было уже безразлично, трахнем мы кого-то или нет, то моей самооценке хотелось реванша. И именно этот факт в десять вечера вынудил меня одеться и сесть за руль, чтобы приехать к Вересовой, которой дома не оказалось. Звонить ей было некуда, а по ту сторону двери даже

после непрерывной трели дверного звонка, висела гробовая тишина.

Уговорив самооценку подождать реванша до завтра, собираюсь уйти домой, когда натыкаюсь взглядом на Вересову. Она, как ни в чем не бывало, поднимается по лестнице под ручку с этим своим слизняком. При виде него у меня глаз дергается и руки автоматически в кулаки сжимаются. Терпеть не могу таких лощеных пижонов. Он давно мне не нравится. С того самого момента, как Вересова с ним замутила.

– Артем... Борисович? – натурально удивляется моя помощница. – А вы тут что делаете?

Пытаюсь добиться утоления всех сексуальных фантазий и восстановить справедливость, вернув своей самооценке почетное место на вершине олимпа, но глядя на мудня рядом с ней, появляется отчетливое понимание – нихера мне сегодня не перепадет. А может, и не только сегодня.

– Телефон, который вы забыли у меня в кабинете после... хм... инцидента принес.

На слове «инцидент» ее глаза округляются, а у прилипалы рядом, по взгляду вижу, возникают вопросы.

– Как это мило с вашей стороны, – елейным голосом произносит Вересова. – Могли бы и не напрягаться, я бы завтра забрала.

– Что вы... разве после всего я мог оставить вас без связи? Сорвался к вам, как только работу в офисе закончил.

История трещит по швам и прилизанный щеголь это пре-

красно понимает. Вон как одежду мою рассматривает. Явно ведь не верит, что я в потертых джинсах и свитере на работу хожу и его благоверную по поручениям гоняю.

– Спасибо, Артем Борисович за помощь и позвольте пройти к двери, – быстро тараторит Вересова.

Понимает, видимо, что намеки мои до добра не доведут, а я, между прочим, против, чтобы ее сегодня этот дегенерат до кровати довел. А по его лицу ведь видно, что он не на кофе сюда шел, а с одной единственной целью – трахаться.

Я такого допустить не могу, поэтому и к двери Вересову пропускаю не сразу, а когда отхожу и она открывает, под непонимающие взгляды шагаю следом за ними и быстренько поясняю:

– Угостите кофе, Ева Евгеньевна. Все-таки, уже поздно, путь домой, как вы знаете не близкий, а мне за руль.

– А водитель ваш где? – спрашивает, упорно не желая пропускать меня дальше прихожей.

– Отпустил. Не думал, что он сегодня понадобится. Планы на вечер, знаете ли, были совсем другие.

Пижон приглаженный стоит за ее спиной, поэтому опасный предупреждающий всплеск во взгляде Вересовой достается только мне. И я его благополучно игнорирую. Разуваясь и следуя на кухню. В этой квартире я был уже давно. В последнее время приходилось только заезжать за Евой и отвозить ее домой, да и то чаще это делал водитель, но раньше, когда еще Вересова на меня не работала, да и я сам не

работал, эту квартиру я видел. Был в ней не так много раз, но помню, где находится кухня и про туда, как танк. Впереди планеты всей, а конкретнее, впереди того, кого она с собой притащила.

Он выглядит удивленным. В общем, именно это мне и нужно.

– Напомните, Ева Евгеньевна, где у вас чашки?

– Напомните?! – хмурится. – Вы, кажется, ни разу у меня кофе и чай не пили.

– Точно, – подхватываю ее игру. – Это вы у меня на кухне не раз и кофе, и чай делали.

Беспощадно разрушаю ее мечты сделать перед щеголем вид «ничего такого не происходит». Потому что происходит. Прямо в эту минуту у меня внутри все кипит и бурлит от желания скрутить его и вытолкать на лестничную площадку, смачно захлопнуть перед его носом дверь, а затем вернуться и...

– Артем Борисович! – отвлекает меня Вересова от мыслей о ее аппетитной голой заднице на этом отполированном столе, видимо, угадав, о чем я на самом деле думаю.

– Простите, не расслышал.

– Кофе какой хотите?

– Черный.

– С сахаром?

– С вами...

– Что, простите? – а это в разговор встревает прилизан-

ный мудила.

– С вафлями, говорю, – отвечаю, глядя исключительно на Еву. – Если они, конечно, имеются.

– К сожалению, вафель предложить не могу, есть печенье.

– Попробуем.

– А вы всегда забытые телефоны сотрудников к ним домой лично привозите? – вдруг подает голос слизняк.

Я уже говорил, что хочу вытурить его за дверь? Очень хочу! Руки чешутся, внутри все трясется, но Вересова мне не простит и тогда точно уволиться без раздумий.

– Нет, конечно, – равнодушно отвечаю. – Просто Ева забыла телефон у меня в кабинете, да и знаете, она все-таки личная помощница, считайте, родной человек. Ну и с детства я ее знаю.

– Вот как...

Мудень даже не пытается скрыть свою неприязнь. Кривится, словно я ему рассказываю о том, как жру дождевых червей на завтрак.

– Ваш кофе.

Ева ставит на стол сразу две чашки. На меня смотрит с раздражением, а ему улыбается. Так, сука, широко и искренне, что хочется его ответную улыбку стереть чем-нибудь. Желательно, кулаком.

– Приятного, – выдает Вересова, я же в ее взгляде читаю «Пейте и проваливайте».

– А что бабушка? – спрашиваю, прекрасно помня, что Ева

живет не одна. – Спит уже? Не разбудим?

И вот при упоминании бабушки все как-то резко меняется. Взгляд Вересовой медленно угасает, уголки губ ползут вниз.

– Бабушку Евы сегодня забрали в больницу. Мы как раз оттуда.

– Что-то серьезное? – резко перестаю дурачиться.

– Нужна дорогостоящая операция в Из...

Мудень замолкает под пристальным взглядом Вересовой. Видимо, эта информация не предназначалась для моих ушей, но я теперь и сам все узнаю. Позвоню отцу Евы и справлюсь о здоровье Антонины Васильевны. Она всегда мне нравилась. Добрая, искренняя и простая женщина. А какие у нее вкусные голубцы были. На контрасте с дорогостоящими изысками нашей кухни воспринимались мною чем-то поистине особенным.

– Бабушка обязательно поправится, – говорит Ева. – А вам, думаю, пора!

Смотрит она, конечно же, на меня. Телефон возвращен, кофе давно допит, а темы для разговоров иссякли. Понимаю, что пора, но договориться с собой и оставить ее наедине с другим мужиком сложно. Правда, следом за мной она и его отправляет. Не так, конечно, категорично, извиняется и что-то еще бормочет ему на ухо, но к выходу мы направляемся вместе.

И только у двери случается конфуз. Я открываю и выхожу

первым, а Никита с улыбкой выдет «До свидания» и дверь перед моим носом захлопывает. Я даже слышу звук прокручиваемого в замочной скважине ключа. Что вообще за дела? Вересова его домой отправила, а он остается? Какого хрена?

Дальше наступает самое сложное – не начать ломиться в дверь, чтобы катапультировать Никиту из квартиры для ускорения его капитуляции перед несомненно лидирующем самцом. То есть, мной.

Глава 8

Я ответственно назначаю сегодняшний день худшим в моей жизни и иду проводить мужчин до порога. Утешаю себя только тем, что Никита тоже уходит, а значит мои скулы сегодня не сведет от широко открытого рта, а голос не охрипнет от фальшивых стонов. Мысли о том, что собиралась «задобрить» Никиту сексом ради денег, отгоняю. Ведь не ради них же! Ради бабушки! Жаль, совесть сдается не так быстро, как я в кабинете Гадаева и шепчет на ухо все то, о чем я стараюсь не думать. Шкребется там внутри. Доходит до того, что себя начинаю ненавидеть примерно так же, как Гадаева.

Отвлекаюсь на свои мысли и пропускаю момент, когда Никита выставляет моего босса за дверь, а сам остается в квартире. Он поворачивается ко мне с таким лицом, что я сразу понимаю: этот день будет не просто самым худшим в моей жизни, он стремительно становится катастрофой. Самой настоящей, потому что такого Никиту я никогда еще не видела.

– Ты спишь с ним? – требовательно рычит Никита, а мой взгляд цепляет его руку, сжатую в кулак. – Что ты ему позволяешь такого, что он сорвался к тебе почти ночью? Бросил дела и приехал... Что-то, что не позволяешь мне?

Будь я чуточку слабее, уже наверняка валялась в обмороке от шока. Это же Никита. Ник. Всегда спокойный, уравни-

вешенный, адекватный... Да он даже сексом сдержанно занимался! Мне все время казалось, что между нами шторка и он просто не видит моего лица, таким безэмоциональным он был. А тут... искаженное от злобы лицо, взгляд, пышущий яростью, угрожающе сжатые желваки и руки.

– Что ты несешь? – паника добавляет мне смелости и слова мои звучат воинственно, а рукой я нащупываю на обувной тумбе какое-нибудь средство защиты.

Там ничего подходящего нет! Счета за коммуналку, пачка жвачки и бабушкины ключи от квартиры. Ключи! На крючке висит моя связка, а ею можно, если что, и убить. Двигаю руку правее и пытаюсь снять их. Но Никита замечает мой маневр и делает рывок. Хватает меня за плечи и прижимает к висящей на вешалке одежде.

Пока я пытаюсь понять, что происходит, Ник впивается поцелуем в шею и никакие мои попытки его оттолкнуть не работают. Он, как скала, удерживает меня неподвижно и на одном месте.

Не поняла, он что – возбудился?

– Да хватит! – выдаю требовательно и толкаю его в плечи изо всех сил, хоть это и не дает никакого эффекта.

От его поцелуя явно останется след, потому что участок шеи пульсирует и неприятно жжет.

– Ева... моя Ева, – шепчет Никита, прижимаясь пахом к низу моего живота.

Понятия не имею, что его так возбудило, но в меня вда-

ливается его уже готовый член. Почему-то становится мерзко. И Ник на мои слова и толчки не реагирует. Спокойно использует силу, чтобы продавить и склонить меня к сексу. В какой-то момент думаю о том, что Гадаев, какой бы сволочью он не был, ни за что такого бы себе не позволил. Он может говорить что угодно, но никогда не оставит на моем теле следы, подобные тем, которые наверняка останутся после Никиты.

И ладно бы эти следы были желанными, но нет! Нет! Возбуждения я и в помине не чувствую. А вот желание поскорее освободиться от его лапищ, что плотно впиваются в худые плечи, лишь нарастает.

– Я не хочу! Никита, ты слышишь? Не хочу!

Он словно не слышит! Пока я тут распинаюсь, он добирается до моей юбки. Комкает край и поднимает ту вверх, лаская пальцами ногу. Кажется, что для большей убедительности не хватает только заплакать, но такого удовольствия я ему не доставлю, конечно же. Обмякаю в его руках, делаю вид, что мне нравится, а когда он ослабляет хватку и теряет бдительность – выставляю коленко и бью его между ног.

Ожидаю в ответ чего угодно. В конце концов, если он был готов взять меня силой, то может и хорошенько приложить ладонью или вообще кулаком, но Никита лишь сгибается пополам, а затем, словно поняв, что натворил, в ужасе округляет глаза.

– Пошел вон! – распахиваю перед ним дверь.

Через минуту он оказывается на лестничной площадке и мямлит извинения:

– Прости, не знаю, что на меня нашло. Прости, пожалуйста.

Говорит он их так тихо, что я скорее догадываюсь, что он там бормочет, чем слышу. Зато дверь захлопываю с оглушительным звуком и спешу закрыться на все замки и предохранитель, а потом съезжаю по ней спиной и начинаю рыдать, уткнувшись в ладони.

Я не могу понять, как до этого дошло? Как я оказалась в подобном положении и что нашло на Никиту, который раньше никогда даже голоса на меня не повышал? Неужели на него так подействовала встреча с Гадаевым? Гад умеет будить самые худшие стороны в людях? Во мне вот разбудил похоть, а в Никите агрессию. Он точно человек, а не дьявол какой-нибудь?

Вообще, я редко плачу. Считаю слезы проявлением слабости, которую отец всегда учил подавлять. Папа всегда говорил, что я должна быть уверенной в себе и сильной духом. Правда, после того, как убеждаешься, что сила духа ничего не значит и любой может применить физическую, становится не по себе. Я больше не чувствую прежнего спокойствия и уверенности в том, что я сильная. После Никиты во мне с глухим треском что-то ломается.

На то, чтобы встать с холодного пола и дойти до ванной, уходят все силы. А уж когда я вижу себя в зеркале: заплакан-

ную, со взлохмаченными волосами и растекшейся под глазами тушью, ужасаюсь. Неудачный день превращается в трудный вечер с самыми разными мыслями, что посещают мою голову. Я умываюсь холодной водой. Долго тру лицо и шею, которую целовал Никита, но потом убеждаюсь, что мне этого недостаточно. Набираю себе полную ванную и погружаюсь в нее, оставляя на поверхности только лицо. Мне нужно смыть с себя всю ту грязь, что на меня вылилась за день.

С Никитой точно покончено. Его «прости» меня вообще не тронуло. И какие бы он не придумал себе оправдания – ничего не сможет загладить то, что он сделал. Помимо «не плакать» папа еще учил меня не прощать людей, если они того не заслужили.

Правда, мама часто говорила, что я слишком категорична и не позволяю людям даже попытаться объясниться. А я считала, что ходить с лапшой на ушах недостойно. Лучше, когда там блестят дорогие сережки.

Теперь моя категоричность сыграет против меня. Точнее, против бабушки. Просить у Никиты денег я не стану, хотя после случившегося ему можно было пригрозить заявлением, но... мне не позволит гордость. Ну и брезгливость тоже. Как после всего на него смотреть, не говоря уже о том, чтобы что-то взять из его рук.

Принятие ванны расслабляет и начинает казаться, что все не так плохо. Я все еще личная помощница Гадаева с хорошей зарплатой, так что на лечение бабушки можно взять

кредит, который мне несомненно дадут.

У меня есть две недели на поиски новой должности. Начать планирую прямо завтра. Посмотрю объявление, закину свое резюме на сайты. Возможно, стоит позвонить знакомым ассистентам деловых партнеров Гадаева. За год я немного сблизилась с некоторыми из них.

У меня даже настроение поднимается. И работу я найти смогу, и бабушку вылечить. Гадаев и его мерзкая рожа, которую мне придется терпеть две недели – испытание простое, но и не смертельное. На работу буду ходить в сложной одежде. Есть у меня комбинезон, который хрен снимешь. Ну и в кабинет к нему без диктофона на телефоне больше не зайду, пусть только попробует снова ко мне приставать, я тогда вообще подам заявление в полицию и раздую скандал в прессе! Да ни одна уважающая себя девушка после такого к нему работать не пойдет. С этими мыслями удивительно сладко после произошедшего засыпаю.

Глава 9

Артем

Ровно в восемь подъезжаю к дому Вересовой. В восемь двадцать ее обычно забирает мой водитель. Почестей многовато для просто помощницы, но когда я понял, что вовремя приходить на работу ей не дано, вариант был только один. И он не изменился. Изменилось что-то внутри меня.

Я какого-то хрена приехал сам. Поговорить, дать ей отгул. И какого-то хрена привез с собой два стакана кофе и... вафли. Бельгийские, ароматные, большие... Как ее сиськи. Почему-то вспомнилось сразу о них. Такое себе сравнение, но, если быть до конца честным хотя бы с собой, сиськи Евы я хотел куда сильнее вафель. Другое дело, что шансы получить желаемое стремятся к нулю, а вафли я купил сам.

Замена не равнозначная, но на безрыбье и рак рыба.

– Мне вас подождать? – спрашивает водитель.

– Все, как всегда, Олег. Считай, что ты просто приехал за Вересовой.

– Хорошо.

Никогда в жизни не пасовал. Сколько себя помню, уверенно пер напролом практически в любом деле. Так и вышло добиться того, что отец оставил мне компанию. Доверился, и я не подвел, а сейчас перед подъездом Вересовой медлю. И эта медлительность оборачивается тем, что первым в дверь

подъезда заходит вчерашний мудила.

Я же... я остаюсь за бортом, потому что даже кода домофона не знаю и Олег, конечно, тоже. Он ни разу не поднимался к Еве, только ждал ее в машине, припаркованной у дома. Так я бы стоял с этими вафлями и кофе, если бы не бабушка, что вылетела из двери парадной. На радостях я был готов вручить ей вафли, но решил забрать их с собой. Лучше уж задобрить Еву, чем наградить рандомную бабушку за то, что она сделала милое дело, о котором даже не подозревала.

Поднявшись на нужный этаж, застаю картину маслом, а точнее мудилу в пальто под дверь. Внутри то ли Ева его не пропускает, то ли ее снова нет дома. Мудила сразу меня замечает и кривится, словно ему говна под нос подсунули. Явно моим появлением недоволен, но это чувство, надо заметить, обоюдное.

– Не открывают? – начинаю разговор с вопроса.

А до самого вдруг доходит! Раз он здесь, значит в квартире не ночевал. А раз Вересова не открывает дверь, хотя сто процентов дома, значит они поругались. Ну блеск же! Расплываюсь в ехидной улыбке.

– А вы здесь что забыли, уважаемый? – спрашивает и сжимает челюсти, когда замечает в моих руках коробочку с вафлями и подставку с кофе.

– Проснулся пораньше, подумал, что давно не благодарил Еву Евгеньевну за ее бесценный вклад в мое дело. Меня, знаете ли, очень тяжело терпеть, а она, считайте, сутками на

мне, то есть подо мной... Я имею в виду, на меня, пашет.

Оговариваюсь я, конечно же, специально. Любуюсь тем, как у этого мудня вытягивается челюсть и готовлюсь к словесному поносу с его стороны, потому что физической расправой он точно меня не порадует. Такие, как он, вообще не лезут в драку. Разве что к тем, кто физически куда слабее, а я шире него в плечах, да и запала во мне побольше. Вижу цель не вижу препятствий. Уж точно не в лице приглаженного.

Мы бы точно сцепились в перепалке, если бы не щелкнувший замок, а затем и макушка Вересовой, что показалась первой.

— Ева, — тут же ринулся к ней щеголь, но так и остановился на полпути, пригвожденный строгим взглядом.

— Доброе утро, Никита, — отвечает ему с таким холодом вселенским, что я всерьез беспокоюсь за кофе. Как бы его по касательной не задело от такой встречи. Холодный кофе я ужасно не люблю, а чем дольше мы тут стоим, тем сильнее он остывает. — Прости, но у нас с Артемом Борисовичем важное совещание, — выдала таким же тоном и... отвернулась, повернувшись ко мне всем корпусом.

Повторного приглашения я ждать не стал, зашел торжественно в дверь и с трудом удержался от того, чтобы не ткнуть фак прилизанному. Спас кофе и вафли, занявшие обе руки.

Внутри гостеприимство Вересовой заканчивается. Вместе с хлопком двери пропадает ее улыбка, адресованная мне ми-

нутой ранее и вся она словно... меркнет. Или же это просто виноват ее новый костюм, который больше напоминает скафандр? С первого раз так и не определить, это у нее раздельное или цельное. И явно оно просто так не снимется, если хозяйка не поможет. Намек понят.

– Вам чего, Артем Борисович?

– Мне разговор, а вам кофе с вафлями.

– Проходите, – Вересова неопределенно машет рукой в сторону кухни и семенит вперед.

Тапочки в виде собачки на ее ногах смотрятся смешно, но я обращаю на них внимание мимоходом. Больше акцентируюсь на ее покрасневших глазах и опухшем лице. Вчера она хоть и выглядела расстроенной, но не плакала. А сегодня... выглядит так, словно проплакала вчера весь вечер. И снова подозрения скатываются к лощеному мудню, которого руки чешутся, так хочется проучить.

На кухне ставлю кофе с вафлями на стол и протягиваю один стаканчик Еве.

– Правда думаешь, что я стану пить? – хмыкает, бросая равнодушный мимоходный взгляд на кофе.

– Что не так? Кажется, ты любишь карамельный латте.

– Люблю, но пить не стану. Не после того, что ты устроил в кабинете.

– Думаешь, я туда что-то подсыпал?

Вересова равнодушно пожимает плечами, а я злюсь. За всю... мать его, за всю мою сексуальную карьеру ни одна

женщина не обвиняла меня в том, что я играю нечестно. Меня хотели все. Сами. Без каких-либо дополнительных препаратов. И Ева хотела. Очень сильно хотела. Я пальцами ощущал ее желание, а теперь что? Оказывается, это была нечестная игра? Если бы не этот ее наглухо закрытый скафандр, я бы точно не сдержался и отполировал ее задницей, что так сильно просит ремня, этот чертов деревянный стол. Со вчерашнего дня эта картина перед глазами.

Глава 10

Сладкий кофе я терпеть не могу. Еще и если с какими-то добавками – считай, похерили напиток окончательно, но чтобы Вересовой поднять настроение и сменить направление разговора, делаю несколько глотков из ее стакана и протягиваю ей. Она хмурится, сомневается. Видно, что ей и хочется и колется, но в итоге все же забирает стакан.

Как от этой мутной жижи может подниматься настроение – понятия не имею, но Вересова начинает сиять на глазах. Я и вафельки ей подкидываю, чтобы поела. Сладкое, говорят, гормон счастья повышает. Вот пусть ест, а то получится в итоге, что я зря всю ночь сидел над составлением нового договора по найму. Не выспался, между прочим.

– С Никитой вы поссорились вчера? – уточняю.

Ответом мне служит взгляд из-под опущенных ресниц. Недобрый такой, это-вас-не-касается-взгляд.

– Странно, что ты его за дверью оставила и совещанием прикрылась. Как думаешь, он все еще там стоит?

– Ты зачем пришел? – спрашивает. – Не помню, чтобы раньше ты возил мне кофе.

– Я пришел поговорить. Обсудить твоё заявление на увольнение.

– Вот как... – Вересова хмурится. – Ты его видел?

Не спешу рассказывать ей, что смотрел, как она его писа-

ла.

– Видел. И у меня имеются возражения.

От хорошего настроения Вересовой не остается и следа, а кофе, как назло, кончился. Свой я ей не предлагаю, потому что он черный и без сахара. Боюсь испортить ей настроение еще больше, но вафлю свою двигаю к ней. Жертвую, чтобы задобрить Еву. Помню ведь, какая она сладкоежка.

– Я все решила, Артем, – Вересова настроена решительно. – Я хочу уволиться. Работать мы с тобой не сможем. К тому же, я уже нашла новую вакансию.

Врет и не краснеет! Ничего она не нашла и увольняться собралась, потому что испугалась. Не меня, конечно, и даже не того, что я к ней полез. Себя испугалась. Своей реакции на мои ласки. Отзывчивости, которую она мне продемонстрировала. Теперь-то я точно уверен, что этот пижон приглаженный ее не удовлетворял. Если бы он умел доводить Вересову до оргазма – не терлась бы она вчера своей аппетитной задницей о мой член, как кошка изголодавшаяся. При одном воспоминании член в штанах приподнимается.

– Сейчас я тебя отпустить не могу. У нас новые потенциальные клиенты, их нельзя упустить. А предстоящая командировка на правовой саммит? Ты о ней забыла?

Здесь я ни капли не кривлю душой. Ближайший месяц у нас забит под завязку. Саммит на носу, на который я не могу явиться с новой, еще не обученной помощницей. По правде, я о новой помощнице вообще не думаю. Меня Вересо-

ва на все сто процентов устраивает. Даже со своим острым, как бритва, языком и постоянным непослушанием – устраивает. Никогда еще не было такого, чтобы в порыве ненависти она налажала. Что касается работы – выполняет ее беспрекословно.

– Саммит через неделю. Продлится пять дней. Я в рамках обязательной отработки смогу присутствовать.

Максимально деловой тон меня раздражает. Я целую ночь напрягался, чтобы для одной очень упертой особы составить отличный договор, прописать предельно размытые условия и влупить гонорар в три раза больше имеющегося. Там еще и аванс на сумму, которая понадобится на лечение Антонины Васильевны. Этот контракт, к слову, в электронном виде закачан на мой телефон, но... знаю, что Вересова откажется. И хорошо, если не бросит контракт мне в лицо. Значит, придется давить. Возможно, не совсем честными путями. И про вакансию, если вдруг каким то чудом она все же есть, лучше узнать и... аннулировать. Думаю, у меня достаточно связей, чтобы это сделать.

Пока Ева думает, решаю взять ситуацию под контроль, не обращая внимания на настроение Евы. И я беру. Решительно встаю и двигаюсь на Вересову. Бежать ей, конечно, некуда. За ее спиной – стол и окно. На балкон она, конечно, может выбежать, да только разве это бы ее спасло? Конечно, нет...

– Что ты собираешься...

Договорить я ей не даю. Помню, что добраться до тела

не получится из-за скафандра. Специально ведь она его напялила, такой закрытый наглухо, что еще больше хотелось его снять. Содрать, порвав на куски, и выбросить в окно. Подальше. Ева, с ее охренительными формами, не должна носить это недоразумение.

– Испугалась? – спрашиваю, а сам заключаю ее в кольцо рук.

Прижимаю к столешнице и по обе стороны ладони размещаю. Не сбежит, даже если очень захочет.

– Думаешь, можно уволиться и все забудется?

– Не понимаю... – сглатывает. – О чем ты...

– Не понимаешь, значит, – хмыкаю. – А если так?

Рывком усаживаю ее не столешницу и развожу стройные ноги в стороны, устраиваясь между ними. У Вересовой только рот получается открыть шокированно, но стоит ей мой похотливый взгляд, направленный на ее губы заметить, как она рот захлопывает. И вообще притихает. Если пытается сделать равнодушный вид – не выйдет. Я слышу ее дыхание и знаю, что сердцебиение у нее ускоренное. По бьющейся жилке на шее это замечаю. Ее волнует сложившаяся ситуация и, черт, если бы не комбинезон... я бы уже проверял ее готовность пальцами, но... остаются только ее губы и тело, упакованное по полной программе.

– Мы же будем видеться постоянно, Ева... не каждый день, но будем. Наши родители дружат. И однажды... – прочищаю горло от хрипа. – Однажды... сорвемся.

– Нет.

– Да. Я тебя хочу.

– Господи, прекрати сейчас же! – шипит, как змея. – Я тебя ненавижу.

– Ты меня хочешь!

– Нет!

Упрямая...

– У меня есть... предложение. Новый контракт, составленный лично мною. Я всю ночь работал, старался.

Смотрю ей в глаза. Хочу, чтобы она предельно ясно поняла, какой именно контракт я подразумеваю. И она понимает. По вспыхнувшему огнем взгляду вижу. И по звонкому шлепку по щеке понимаю, что все она расценила так, как мне нужно.

– Я ни за что его не подпишу!

Вот это мы еще посмотрим. У меня есть две недели, чтобы склонить Вересову к подписи, а там... остается лишь получить ее во временное пользование. К тому же, я уже на один пункт к подписи ближе. Деньги на счет клиники, в которую прямо сегодня будут оформлять бабушку, уже переведены. Договорился с отцом Евы еще вчера. Один-ноль в мою пользу, хоть он и не подозревает, что именно я собираюсь делать с его дочерью и как часто.

Глава 11

Я наивно полагала, что комбинезон спасет меня от Гадаева. Жаль, что он не помогает от насквозь промокших трусов и не пробуждает спящую принципиальность. Где это все? Пощечина была скорее лаской и вообще похоть не остудила. Иначе, почему руки Гадаева все еще на моих бедрах? Нужно что-то более действенное.

– Господин Гадаев! – перехожу на официальный тон. – Заявляю со всей серьезностью: если вы сейчас же не уберете свои руки и не отойдете, я напишу на вас заявление в полицию за домогательства! Возможно вы выкрутитесь, вы же гениальный юрист, но репутацию вам это подпортит!

Гад нехотя меня отпускает. Язык юридических терминов он определенно понимает лучше обычного, человеческого. Я спрыгиваю со стола и иду к двери обуваться. Нам вообще-то в офис надо. Он забыл, что ли?

Смотрю на сапоги и понимаю, что наклоняться за ними страшно. Гадаев где-то там, сзади и если я... Ох, он точно пристроится сзади. Вдавит в меня свой большой член, вопьется пальцами в бедра... Я только лишь представляю себе эту картину, а внутри что-то екает. Горячая волна бьет вниз живота и колени подгибаются. Мне срочно надо в душ! Какая, блин, работа в таком состоянии?

– Ева, не спеши. Я даю тебе сегодня отгул, – раздается за

спиной бархатный баритон босса.

Это спасительное предложение я просто не в силах отвергнуть, но, все же обернувшись, уточняю:

– С чего такая щедрость? – голос, мой голос выдает меня с потрохами!

Приходится кхекать, как будто я поперхнулась. Иначе бы, чувствую, и наглухо застегнутый комбинезон не помог. Пусть Гадаев и не знает, как его снять, но этой информацией обладаю я. К собственному стыду, я теперь в себе не уверена.

– Навести бабушку, прочти контракт. Я отправил его на почту. Надеюсь, ты хорошо подумаешь, прежде чем что-то решишь, – соблазняет не хуже демона-искусителя. – Завтра в офисе дашь окончательный ответ.

Больше он ничего не добавляет. Обходит меня и покидает квартиру. А я с минуту смотрю на закрытую дверь и только потом мчусь в ванную, на ходу расстегивая комбинезон. Мне хочется его сорвать и потрогать себя. Может быть когда я покончу с диким возбуждением, мозги встанут на место. Сейчас я могу думать только о том, как хочу Гадаева. Так сильно, что всерьез собираюсь изучить контракт. Но зачем мне это? Я ведь не собираюсь его подписывать!

После душа ясность мыслей возвращается. Пусть не до конца, но я могу думать хоть о чем-то другом, кроме своего сумасшествия. Вижу на почте файл с контрактом, но совершенно спокойно кидаю его в спам. Не собираюсь читать, что там Гадаев замыслил. Вчера перед сном у меня были гранди-

озные планы на сегодняшний день, и я собираюсь заняться ими, но предварительно звоню в больницу. Мне велят явиться к часу дня, чтобы побеседовать с заведующим кардиологией и заявляют, что раньше в отделении делать мне нечего. К бабуле не пустят, так как посещения по-прежнему запрещены.

Тогда я со спокойной совестью располагаюсь на диване с ноутбуком и открываю поисковик. Но вместо того, чтобы набрать «Свободные вакансии», внезапно набираю «Почему проходит фригидность». Мне выпадает множество сайтов с предложениями обратиться к специалистам. Черт! Может и правда сходить? Всерьез размышляю над этим секунд десять, но тут телефон голосит рингтоном модной группы, и я в ужасе захлопываю крышку ноута! Боже! А вдруг меня вычислили и этот самый специалист сам звонит? Сердце колотиться, будто я попала на просмотр порно. Дрожащей рукой беру телефон, а там Оля. Всего на всего Оля. Облегчение накатывает такое, что я аж слабею и растекаюсь по дивану. Но трубку беру.

– Привет, что случилось? Босс только нехотя бросил, что у тебя отгул, загрузил работой и закрылся в кабинете, – встревоженно тараторит подруга. – Я волнуюсь! Ты вчера не говорила про отгул. Мы домой вместе даже идти собирались.

– Бабуля в больницу попала, Оль, – начинаю с главного.

Не начинать же с того, что я за прошедшие полдня дважды убедилась в том, что Оля была права и у Гадаева дей-

ствительно большой. Откуда у нее, между прочим, эта информация?

– О, боже! Как Антонина Васильевна? Я могу помочь? Чего сразу мне не позвонила?

Деньгами подруга помочь мне точно не может, у самой куча кредитов и ипотека, а вот облегчить моральное состояние, даже очень может.

– Много чего есть рассказать, но...

Рассказ слишком длинный и откровенный для телефонного разговора, поэтому я делаю многозначительную паузу.

– Ты пугаешь меня, Вересова! – вопит Оля. – Что такого могло произойти за несколько часов? Мы меньше суток не виделись!

О том, что я, кажется, сошла с ума, по телефону не говорят.

– Оля, сможешь вечером после работы зайти? Я сейчас не могу разговаривать.

– Что б тебя, Евангелина! – от души обзывает меня полным именем, которое я терпеть не могу, лучшая подруга. – Я теперь от любопытства сдохну, но даже мертвая к тебе допозу! Мартини брать или сразу коньяк?

– Бери текилу и прихвати номера всех знакомых секретарш, – добиваю Олю интригой и сбрасываю вызов.

Это ей месть за вчерашнее. Нечего было меня программировать на большой член Гадаева. Может это вообще она во всем случившемся виновата! Обвинить кого-то кроме се-

бя очень приятно, хотя я и понимаю, что это глупо. Зато настроение еще немного улучшается, и я, наконец, добираюсь до сайтов с вакансиями.

Пока брожу в поиске подходящей, не покидает мысль, откуда все-таки подруга про размер члена знает. Что, если вчера Гадаев и ее к столу сзади прижал? Вообще не удивлюсь! Его кобелиная натура и не на такое способна. Кому, если не мне, знать, какой Артем бабник. Да вокруг него женщины всегда толпами ходили, как дети вокруг новогодней елки в ожидании подарков, честное слово. Я все время думала, что и ждать там нечего, а теперь... теперь думаю иначе. «Почувствовала» на себе, что именно все они ждали и хотели.

Глава 12

На рынке труда все по-старому. Без опыта и хороших рекомендаций с предыдущего места работы выбор по-прежнему скуден. Звоню в несколько фирм и везде у меня спрашивают, что заставляет меня менять место с большим окладом в престижной фирме на их скромную вакансию. Я пробую разные варианты ответа. Говорю, что неудобно территориально туда добираться, не устраивает график, одним даже ляпаю, что жених против.

Все эти отговорки не проходят. Мне обещают перезвонить, но всем известно, что так культурно шлют лесом. Мне не верят. И это понятно. Никакой дурак не пойдет на ощутимое понижение зарплаты из-за дороги, графика или жениха. А если и пойдет, то выходит, в деньгах он не нуждается, соответственно и в работе не слишком заинтересован. Кому такие сотрудники нужны?

Закидываю напоследок свое резюме на сайты – пусть висит – и собираюсь в больницу. Время подошло. А по дороге в такси перехожу ко второму пункту своего плана. Пишу знакомым ассистенткам сообщение: «Привет, нет на примете щедрого и адекватного работодателя? Хочу уйти от своего. Достал. В долгу не останусь». Отправляю.

Звонками девушек лучше не отвлекать, а вот послание мое они прочитают, когда освободятся, подумают и ответят.

Мы частенько жалуемся друг другу на боссов, так что просьба моя никого не удивит.

В больницу приезжаю вовремя и меня сразу проводят в кабинет главврача.

– Здравствуйте, я внучка Антонины Васильевны Вересовой, Ева, – представляюсь заведующему.

Мало того, что больница – место не слишком приятное, еще и Юрий Петрович – мужчина в возрасте и вид имеет такой грозный, что я немного робею.

– Здравствуйте. Рад, что вы нашли возможность перевести бабушку на операцию за границу, – отвечает сухо и по делу, проверяя что-то в компьютере. – Мы ее немного подлечим, укрепим для поездки, и можно брать билеты. Все документы отправим в клинику сами. Только договоритесь с принимающей стороной о датах. Я думаю, примерно через месяц будет самое то.

Я непонимающе хлопаю ресницами и смотрю на Юрия Петровича так, словно он великий фокусник. Кто нашел возможность отвезти бабулю за границу? Мы? Ничего не понимаю. Родители мне обязательно позвонили бы, если нашли бы деньги, но они молчат. А из всего этого выходит, что мне нужно ехать домой, открывать почту и читать что там написал Гадаев в своем контракте. Потому что в больнице явно прослеживается его след. Ну или Никиты, что еще хуже. Холодею от ужаса. Уж лучше иметь дело с Гадаевым, чем с Ником. Если мысли о боссе вызывают румянец на щеках и на-

пращение в сосках, то мысли о бывшем холодный пот и содрогание.

– А сейчас нужно что-то из лекарств купить? – мямлю, как школьница у доски.

– Нет, все есть, лекарства уже привезли, – отрезает заведующий, продолжая пялиться в монитор.

– Спасибо большое, а когда я смогу увидеть бабушку? – все же уточняю.

Не вопить же мне, что я понятия не имею, откуда взялись деньги и требовать от него ответа. Думаю, в таком случае он составит обо мне не самое приятное мнение.

– Антонине Васильевне гораздо лучше. Думаю, послезавтра переведем ее в палату, тогда и приходите в часы для посещения.

Поблагодарить, попрощаться и ретироваться выходит за мгновение. Кабинет покидаю с легкой досадой. Чего ехала, спрашивается? Думала в аптеку придется бежать, лекарства покупать, а тут все схвачено. Разбирает досада. Выслушать слова главврача и офигеть, я прекрасно могла бы и дома.

Теперь вот сижу в такси, как на иголках, и хочу скорее попасть в квартиру. Договор с телефона читать неудобно. Мечтаю скорее приехать домой и открыть его на ноутбуке.

Правда, у подъезда вспоминаю про Олю и текилу. Приходится забежать в магазин за фруктами, пастой и беконом. Сделаю на скорую руку Карбонару и нарезку, а то у меня дома из закуски – вчерашнее недоеденное печенье.

Добираюсь до квартиры, переодеваюсь в домашнее и открываю, наконец, контракт. Читаю, читаю и глазам поверить не могу. Гадаев своим грамотным юридическим языком предлагает мне стать его... какое бы слово подобрать, чтобы обозвать точнее? Рабыней? Наложницей? Постельной игрушкой? Не-е-е-т, постельной игрушкой слишком мелко. У нее обязанностей всего ничего – только знай рот разевай, да ноги раздвигай. Мне же предлагается делать не только это, но и свою обычную работу.

Ко всему перечисленному нужно прибавить круглосуточный доступ к моим услугам (свободное и личное время в контракте не предусмотрены), но и это не все! Помимо прочего я должна найти себе замену. Сама. Таковую, чтобы Гада устроила. И только тогда он мне даст вольную... То есть выдаст расчет и великолепные рекомендации. Правда, стоит все же отметить, что за рабство он обещает мне выплатить просто баснословную сумму гонорара.

Хватит вообще на все. Не только на поездку в Израиль – кстати, да, деньги на операцию выделил и отправил именно Гадаев – но и папе на бизнес, маме на пластику, о которой она мечтает, и мне на безбедную безработную жизнь в течение лет пяти. Не меньше. Я в шоке! Откидываюсь на спинку дивана и пялюсь в одну точку. Интересно, а дядя Боря знает, как его сынок деньгами швыряется? Это ведь его фирма, он ее учредитель, он ее с нуля создавал, поднимал и раскручивал.

Что делать я не имею понятия. Гордость кричит, что надо устроить скандал и прочитанное забыть, а здравый смысл воет: ты в своем уме? Вчерашняя фригидная под правильным руководством сегодня оказалась развратной нимфоманкой, которой достаточно нескольких прикосновений. И вот это самое правильно руководство сейчас предлагает провести время приятно и с пользой. Когда еще выпадет шанс достичь оргазмов от проникновения? Почему-то я на все сто уверена, что с Гадаевым это не далекая фантазия, а реальность.

Останавливает от немедленной подписи только то, что это Гадаев. Будь на его месте любой другой мужчина – я бы уже не ждала Олю, чтобы посоветоваться, а хвасталась предложением и мечтала о жарких ночах, а так... Это же Артем. Тот самый, которого я ненавижу с детства и хочу со вчерашнего блин вечера так, что грудь тут же ныть начинает, а внизу живота вспыхивает пожар.

Глава 13

Оля врывается в квартиру, словно ураган и с порога заявляет:

– Ты какая-то другая, и я имею в виду не озабоченность здоровьем бабушки.

Я смотрю в зеркало. Да нет, все как обычно. Губы немного припухшие, потому что я их кусала, и синяки под глазами от недосыпа. Как тут выспишься, когда все время снятся эротические сны с участием того, кого предпочла бы видеть в кошмарах.

– Что ты имеешь в виду? – уточняю, забирая у нее пакет с бутылкой и направляясь в кухню.

У меня там паста варится.

– Не могу сформулировать, – задумчиво тянет Оля мне в спину, – но у тебя глаза горят шальным блеском, как будто ты до моего прихода сексом по телефону занималась, а я тебя прервала. Вот.

Я чуть не спотыкаюсь. Оля от истины не далека. Секса по телефону, правда, не было, я просто опять вспоминала Гада, но направление подруга уловила четко. Неужели мое состояние так заметно?

– Ох, дорогая, сейчас выпьем по рюмочке, и я тебе такое расскажу – офигеешь! – говорю загадочно.

Отпираться я не собираюсь, ведь именно за этим Олю и

позвала. Мне срочно нужно с кем-нибудь поделиться и посоветоваться, а ближе нее у меня никого нет.

– Так, давай тогда я помогу, а то ты специально сейчас копать будешь, – заявляет подруга и берется накрывать на стол.

Все-таки, как хорошо она меня знает. Даже если я уже собралась рассказывать о своих приключениях, все равно буду тянуть и сомневаться.

Помощь Оли приводит нас к тому, что уже через полчаса мы сидим с поднятыми стопками и натертыми лимоном руками.

– За прекрасный вечер! – говорю тост, мы чокаемся и выпиваем текилу.

Лично я заглатываю кактусовую водку так, словно это спасительное лекарство от стресса и оно должно подействовать прямо сейчас.

– Ну, не томи, – приказывает подруга, закусив, и я начинаю рассказ с самого главного.

– Оля, я увольняюсь и мне срочно нужна работа!

– Как это – увольняешься? – уточняет подруга, поперхнувшись.

– Гадаев зажал меня в своем кабинете и чуть не оттрахал прямо на столе. Потом то же самое попытался проделать Никита, но уже у меня дома, – вываливаю на подругу все куцей. – Но самое страшное то, что от губ и пальцев нашего с тобой босса я возбудилась, а когда мой, казалось бы парень,

попытался меня прижать, хотела совершить убийство. Понимаешь, о чем я?

– Понимаю, – кивая, сообщает Оля и разливает текилу по рюмкам.

Важно так разливает и совершенно спокойно! У меня тут жизнь, между прочим, рушится, а Оля ведет себя так, словно это все в порядке вещей и так и должно быть. Может, Гадаев и ей контракт предлагал? А что – с него станется! Кто-нибудь да согласится. Думать об этом неприятно, потому что если это так, то я у Гадаева точно в конце списка. Он бы мне такой контракт предложил после всего офиса. Уверена, даже у охранника и то было бы преимущество.

– И что – все? Больше ничего не скажешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.